

Николай Тимошенко.

-Выпускник ФМШ. Учился в группе вначале физматшкольников, а потом теплофизиков.
-По окончании НГУ учился в аспирантуре НГУ (теплофизика).
Далее работал: СКБ "Энергохиммаш" - зав.сектором,
Институт горного дела СО РАН - старший научный сотрудник,
НПО "Вектор" - зав. лаб., НИИХиммаш (бывшее СКБ Энергохиммаш) - зам.директора по науке,
НГТУ - доцент,
Институт теплофизики СО РАН - старший научный сотрудник по сей день.
-Женат, дочерей - двое, внуков - трое (старший закончил мехмат НГУ),
внучка - одна (младшенькая, учится в 4 классе).

*-Всем нашим однокурсникам самые теплые пожелания, сохранения чувства локтя, здоровья, успехов и
удачи Вашим детям, внукам, правнукам, потомкам....*

СТУДЕНЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

Меня всегда удивляли и даже раздражали выступления известных артистов с историями, которые с ними случались на всяческих экзаменах. Рассказывают они эти истории и байки профессионально, но, на мой взгляд, в их сценах присутствуют излишние претензии на уникальность этих случаев и явно превышающий реальности эмоциональный заряд.

За время своей учебы, а затем преподавательской деятельности в ВУЗах мне приходилось встречаться с очень забавными случаями.

На физическом факультете НГУ 1964-69гг. обучалось около 250 студентов, в основном, парней. Я завидовал ребятам одной из групп факультета, потому что они жили дружным коллективом, в составе которого присутствовали несколько девушек, конечно же, хорошеньких.

На втором курсе мы сдаем экзамен по физике. Кроме теоретических вопросов к билету прилагается задача, которая традиционно вызывает затруднения у студентов. Лето, жара. В аудитории 3-4 десятка студентов и преподаватели. Впереди меня сидит студентка из той самой дружной группы. Я вижу, как она тайком передает условия задачи из аудитории в коридор своим друзьям. Через некоторое время (видимо задачу уже решили) в аудито-

рию влетает студент, машет каким-то листочком и истошно кричит: «Надька, тебе телеграмма!» Надька вскакивает, кричит: «Ах!», бросает телеграмму на стол и вылетает без спроса в коридор. (Кроме письменного решения задачи надо же получить еще и устные разъяснения). Преподаватель тем временем читает телеграмму этой Надьки от ее мамы и обнаруживает, что прислали ее три месяца назад. Я все это наблюдаю, как зритель первого ряда, на сцене. Возвращается сияющая Надька, у нее забирают условие задачи и дают дружю. На этот вариант событий у Надьки домашних заготовок не оказалось. В финале Надька «схлопотала» пару на данном экзамене.

Сыгранность, эмоциональность и стремительность этой сцены стоит у меня в глазах уже более 40 лет.

Преподавателем высшей алгебры у нас был Исмаил Шабербекович Оглы Алиев – колоритный азербайджанец, добродушный, не старый, излишне полный человек. По-русски он говорил с кавказским акцентом, студенты его уважали, хотя на экзаменах побаивались.

Запомнилось несколько сцен с его участием.

На семинарских занятиях стоит Алиев как-то у доски лицом к нам. В одной руке мел, другая у него за спиной. Он увлеченно излагает нам материал, поворачивается лицом к доске, что-то пишет. При этом становится видно, что руку он запустил в свои штаны и там просто свирепо чешет свою задницу.

Другой случай. Студент физфака (младше нас на курс) Игорь Капельницкий сидит, прижав уши, на экзамене по алгебре. Он реально оценивает свои небольшие шансы на сдачу экзамена. Здесь особенно важно правильно выбрать преподавателя, вдруг повезет именно с ним. И.Ш.Алиев сидит в аудитории. Он устал и читает газету. Игорь тихонько спрашивает: «Можно я Вам буду отвечать?» Получает в ответ: «Не видишь, я газету читаю». Студент примолк. И тут, как это всегда было принято, лектор выдергивает из стопки нижнюю зачетку (того студента, который уже сидит дольше всех) и громко произносит: «Капельницкий, отвечать». «А я уже отвечаю» - бодро заявил Игорь. «Кому?». Игорь громко: «Алиеву!». Алиев с ухмылкой смотрит на него из-под газеты, молча берет зачетку, ставит «хор» и также молча отправляет его из аудитории. Игорь прыгает в коридоре от счастья.

Я сдаю математический анализ. В этой дисциплине известны несколько теорем Вейерштрасса. В билете я получаю одну из них. Формулировки, тем более доказательства этой теоремы я не знаю. Рядом сидит мой товарищ и отличник Ленка Рисовер. Мне неудобно его отвлекать, но я все-таки спрашиваю его – о чем эта треклятая теорема. Получив формулировку теоремы я нахально пытаюсь сравниться с Вейерштрассом и доказать теорему самостоятельно. Но, увы. Я очевидно слабее его в этой области.

Любая теорема в математике доказывается с минимумом допущений. И эта теорема не исключение. И здесь меня посещает гениальная мысль. Надо ввести небольшое дополнительное условие в теорему. А потом честно ее доказать. Ну и что, что это уже другая теорема! Сказано – сделано. Абсолютно строго доказываю эту теорему, выбираю самого измученного экзаменами преподавателя, начинаю отвечать. Первый вопрос – ответил. Второй – читаю условие теоремы Вейерштрасса модернизированной мною. Смотрю на реакцию преподавателя – вроде прошло, проглотил. Дальше – доказательство, за которое я готов стоять перед кем угодно. Ура! Матан спихнул.

При сдаче экзамена все средства хороши.

Одним из преподавателей алгебры у нас была относительно молодая женщина с невзрачной внешностью и очень спокойным, даже флегматичным характером. От нас она получила кличку «Матрица». А дальше рассказ одного из наших студентов.

На экзамене по алгебре, ознакомившись с билетом, еще раз убедился, что знаний ноль. Но попытку решил использовать. Вопрос: кому сдавать? Решил пойти к Матрице. Сели рядом за стол. Начинаю что-то бормотать, при этом свою ногу под столом прижи-

маю к ее ноге. Она не реагирует. Решил развить успех: усиливаю нажим и начинаю прижиматься всем телом. Вроде не возражает. И когда я уже поверил в успех своей авантюры, она вдруг резко отпрянула от меня, задала еще один вопрос и не получив ответа вкатила пару. Вот зараза!

Впоследствии этого парня отчислили из Универа за неуспеваемость.

Кроме экзаменов были и праздники. В Новогодний вечер на танцы явился парень, наряженный девушкой. Излишне говорить, что эта «девушка» вела себя очень фривольно и развязано. В разгар веселья появился студент с явными признаками опьянения. В таком состоянии он не сумел разобраться в обстановке, решил, что «девушка» будет его легкой добычей. Попытка силой заставить «девушку» уединиться с ним под лестницей закончилась всеобщей потехой и скандальным неудовольствием со стороны пьяного.

Были и другие забавные истории. Я и уже упомянутый Ленка Рисовер (ныне Леонид Матвеевич) упорно изучаем какую-то дисциплину к экзамену, дружно встаем и вместе идем ужинать в красную столовую (сейчас это магазин «Городок» на Морском). Берем еду, усаживаемся за стол, где уже сидит и ест мужчина явно старше нас. Ленка с затюканным видом съедает свой хлеб и меланхолично берет кусок у этого мужчины, сначала один, потом другой. Мужчина прекращает есть и, улыбаясь, смотрит на нас, видимо совершенно адекватно оценивая сложившуюся ситуацию. За нагло съеденный хлеб претензий он не предъявил и удалился с еще большей улыбкой.

И снова об экзаменах. Курс теории турбулентности нам читал Самсон Семенович Кутателадзе, директор Института теплофизики, безусловно, большой ученый. Однако, лектор он был не очень. Кроме того, он постоянно отвлекался на командировки и другие дела, так что курс он прочитал плохо. Наверное, он все это сознавал. Поэтому на зачете он объявил, что всем ставит «зачет», но спрашивать будет по полной. Выглядело это так: вся группа сидит в аудитории, он вызывает одного, ставит «зачет» в зачетку и ведомость и начинает спрашивать. Отвечали мы все слабовато, он эмоционально возмущался нашими плохими знаниями, но слово свое держал. Наконец, дошла очередь до Тамары Большеровой (ныне Ситниковой). Она спокойно, даже величаво вышла к доске, с достоинством достала свою зачетку, получила в нее «зачет», спрятала в дамскую сумочку. И не успел Самсон Семенович задать ей вопрос, как она ему сообщила: «А я не буду отвечать. Зачем? Ведь зачет Вы уже поставили!». Бедный Самсон Семенович потерял дар речи. Вся его

эмоциональность пропала. По-прежнему он ставил нам «зачет», задавал вопросы, но уже никак не реагировал на плохие или хорошие ответы. Наверное, этот эпизод никак не занести в актив нашей студенческой группы.

Были у нас и другие «боевые» ребята.

Валера Красицкий делал диплом в Институте гидродинамики у Топчияна М.Л. Он должен был сделать какие-то расчеты на ЭВМ. В то время ЭВМ выдавала результаты расчетов в виде бумажных простыней (выдачей) испещренных числами. Кроме автора, разобраться в этих выдачах никто бы не смог. Выдачи Валера получил в ночь перед защитой. В текст диплома результаты были вставлены утром в день его защиты. Руководитель, сильно не довольный этой разгильдяйской ситуацией и количеством недочетов в работе, ставит ему «два» с подробным списком недочетов и ошибок в отзыве. Рецензент как всегда идет на поводу у руководителя дипломника. На защите Валера разбивает в пух и прах все доводы доктора наук Топчияна, доказывает свою правоту по всем позициям. Комиссия ставит ему за защиту «отлично», хотя по совокупности итоговую оценку снижает.

Это была боевая защита и бесспорная победа Валеры.

Возвращаясь к студенческой столовой. Был момент, когда студенты НГУ объявили бойкот столовой из-за крайне плохого качества еды. Дело получило скандальную огласку и дошло до «компетентных органов», т.е., КГБ.

Но сейчас о другом.

Мне запомнился следующий случай. Сессия. Я сижу в общежитии, читаю книги. Обеденное время. Встаю, иду в столовую, обедаю, возвращаюсь к себе. И тут у меня начинает все валиться из рук, я не могу сосредоточиться и читать, мной овладевает какое-то беспокойство. Физически я совершенно в порядке, но что-то не так. Наконец, я бросаю все и анализирую: а что же случилось? Вспоминаю в деталях: вот я встал, пошел в столовую, взял разнос, поставил еду, прошел мимо кассы, сел, съел. Эврика! Я прошел мимо кассы и, будучи в заторможенном состоянии, не рассчитался. Вот откуда беспокойство и состояние тревоги, я забыл выполнить элемент уже заученной каждодневной процедуры. Кассирша этот момент тоже проспала и меня не окликнула.

Мое беспокойство исчезло, стало даже весело. Признаюсь, рассчитываться я никуда не побежал. Так и должен до сих пор около 70 копеек в советской валюте.

В то время в моду входило каратэ. Витя Багрянцев, тщедушенький парень с дефективной рукой тоже поддался моде. В проем шкафа он повесил рюкзак с тряпками на высоте своих плеч и время от времени бил его ногами. Была это тренировка или дань самоутверждению – не знаю.

Готовились к экзамену по ТФКП. Витя читает книжку (Лаврентьев и Шабат), потом медленно встает, разбегаются и двумя ногами бьет в рюкзак. Не спортивный и не тренированный Витя промахивается, ноги идут выше рюкзака, он повисает на лямках и бьется затылком о пол, с трудом выпутывается из лямок. Удар по голове он получил сильный. Результат: Витя всю сессию читает только книжку по ТФКП независимо от того, какой экзамен на очереди. Всех это сильно забавляет, поскольку Витя никогда не отличался особым прилежанием в учебе. А тут всю сессию читает. Правда, только одну книжку.

На старших курсах мы учились не только в Универсе, но и в НИИ, наша группа в Институте теплофизики. Нам выдали временные пропуска, с фотографией, печатями и т.д. Вахтеры студентов проверяли строго, видимо, благонадежными мы не выглядели.

Как-то заходим в Институт вместе с Володей Кузьминым. Я мельком смотрю на его пропуск, который он показывает вахтеру, и останавливаюсь от удивления. Верхняя часть фотографии на его пропуске оторвана и утеряна, т.е., на фото нет головы. Шаловливой рукой он нарисовал чернилами кружочек с точками и запятой и так ходит мимо бдительных вахтеров. Мы вместе посмеялись над этим прямо рядом с вахтой.

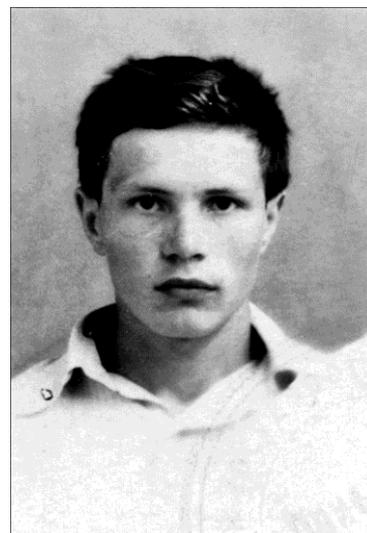
На I курс 1964 года в НГУ поступили первые выпускники физматшколы. Первый набор в ФМШ начал занятия в январе 1963 года. Отучившись полгода в девятом классе и год в десятом, нам по нашей просьбе устроили выпускные экзамены (в 1964 году в школе была 11-летка). Жизнь в физматшколе – это отдельная песня. Съехавшись со всей страны (а это был громадный СССР) талантливые сорванцы очень увлеченно учились, развлекались, иногда бузили. В школе царил редкий для школ культ учебы. Предметом гордости для отдельных ребят было прорешать от корки до корки задачник по математике, совсем не школьного уровня. Потом, через много лет, мы осознали, что в чем-то дух физматшколы напоминал знаменитый Пушкинский лицей.

Школа была организована как школа – интернат. При всей направленности на науку школа была сильна в спортивном отношении. Мы занимали первые и призовые места в городе по баскетболу, лыжам, легкой атлетике и др.

Озорства тоже хватало. Бои подушками, обливание водой летом, ловля ужей в лесу и подбрасывание их в комнаты девчонок временами случалось.

Будущий член-корреспондент РАН Женька Кузнецов (Кузька или Q) однажды имел неосторожность уснуть днем на своей кровати. Проснувшись, он первым делом водрузил на нос свои очки (зрение у него было не ахти уже в то время) и начал возмущенно кричать, что кто-то вымазал стены вареньем. Понятно, что вымазали ему стекла очков, а он позабыл спросонья окружающих озорников.

Наш Кузька (Q) почему-то пользовался особым расположением нашей классной руководительницы Галины Афанасьевны – преподавателя английского языка. Молодая женщина была полна эйфории от сознания, что она работает в особой школе в замечательном Академгородке. Уже не впервые, она решила поговорить с Женькой на тему атмосферы и манер отношений в классе. Должен заметить, что атмосфера в классе была самая благоприятная, что касается манеры обращений между ребятами, то она отличалась непосредственностью и, может быть, мальчишеской грубоватостью. Классная дама высказала недовольство некоторыми из ребят в этом плане и сильно настаивала на откровенности в этом обсуждении. В припадке откровенности она стала допрашивать его: «Женя, скажи честно свое мнение обо мне. Как ты оцениваешь меня как учителя и человека?» Женя опустил очки на кончик своего носа и глядя на нее по верх очков изрек: «Вы знаете, я ду-

маю, что Вы – дура!» Реакция была бурной, но без всяких плохих последствий для Женьки. Он ведь ответил, как просили – откровенно.

Из развлечений с всеобщим участием помнится бой между нашим домом (Детский проезд 9) и общежитием НГУ напротив. Со всего общежития у нас и у студентов была собрана старая обувь, которой обстреливали соседей при помощи громадных рогаток из резины, прикрепленных прямо к раскрытым окнам.

Из ста выпускников школы почти все поступили в НГУ, в основном на физфак и мехмат. Школьные связи между нами оставались на протяжении всего времени обучения в НГУ и сохраняются до сих пор.

После 1-го курса НГУ, всех, кто не поехал в стройотряд на Целину или на Север направили на месяц в колхоз. Деревенские девушки пришли в сильное возбуждение, приехали молодые, перспективные студенты. Одной из них, надо заметить, разбитного нрава и опытной, и бывалой, приглянулся наш бывший физмат-школьник – Сеня Рубанович. Однако флегматичный Сеня ходил в глубокой задумчивости и не обращал на девушку и ее намеки никакого внимания. Товарищи стали его журить за такое поведение, советовали ему погулять с девушкой, сходить в кино и т.д. Сеня воспринял советы и начал их добросовестно выполнять: сходил с ней в кино, после кино пошли гулять по улице. «Ну что» – спросил Сеня девушку «еще погуляем или спать пойдем?». «Спать пойдем» – с радостной надеждой предложила разбитная девица. «Хорошо» – сказал Сеня, – тогда я пошел. С этими словами он развернулся и потопал к себе на ночлег.

Такая несообразительность Сени и флегматичность легко объяснима из нижеследующего.

После IV курса мы своей командой на летних каникулах сформировали стройотряд и поехали зарабатывать большие деньги на Чукотку. Комитет комсомола назначил в наш стройотряд комиссара – Витю Чакшова. Как более старший и мудрый, он обратил внимание на усталый вид и флегматичность нашего Сени. Надо сказать, что работали мы очень интенсивно, не все были способны выдержать эту лошадиную нагрузку. Витя предложил мне поговорить с Сеней, с тем, чтобы предложить ему день – два для отдыха, если он дошел до грани физического срыва. На мои слова Сеня ответил, что он не болен, вполне способен работать дальше в том же лошадином темпе. Что же касается его задумчивого вида, то он это объяснил так: «Я взвалю бревно на плечо, а дальше иду и решаю задачу, и решаю задачу...» Эти слова были встречены смехом, все (многие из физмат-школы) узнали Сеню и не удивились.

Упорство и трудолюбие Сени в учебе обросло легендами. Курс современного анализа, который читали год, он решил изучать сам. На лекции не ходил, но упорно занимался самостоятельно. Когда пришла пора экзамена, ему было указано на его систематические пропуски лекций и обещано спросить по полной программе. В результате, экзамен он начал сдавать в 11 часов утра, а закончил в 2 часа ночи. Преподаватель гонял его по всему годовому курсу и к чести их обоих поставил-таки «отл».

Среди практически всех замечательных преподавателей Универа иногда попадались большие оригиналы. Так однажды в перерыве к лектору, стоящему у доски, подходит студент и просит что-то уточнить в одной из формул, написанной на доске. «Эта что ли формула?» – спрашивает лектор и показывает на формулу ногой, задрав ее до уровня груди. «Нет, вот эта!» – достойно ответил студент, показав тоже ногой на формулу написанную на доске выше уровня головы.

В физматшколе все точные науки (впрочем, как и не точные) мы изучали на почти ВУЗовском уровне. По этой причине курс общей химии на 1-ом курсе физфака мне был не интересен, ничего нового я от него не ожидал. По этой причине на лекциях я еще бывал, а на семинарских занятиях за семестр не был ни разу.

Когда я пришел на экзамен, то первым делом попросил наших ребят, чтобы они показали мне нашего преподавателя – семинариста. Оказалось, что это мужчина средних лет, физически крепкий и очень подвижный, и энергичный. Видимо, он был активным спортсменом с живым характером.

На экзамене я быстро приготовил ответы на свой билет и стал выжидать, когда освободится подходящий мне преподаватель. Понятное дело, мой семинарист в их число не входил.

В это время семинарист эмоционально допрашивал одну из наших девушек (если я правильно помню этот эпизод, то это была Люда Лупова). Отвечала она очень плохо, он громко возмущался по этому поводу, затем на всю аудиторию объявил, что ставит ей «неуд» и перешел к другому студенту, который сидел прямо передо мной. Там он также эмоционально влепил ему тоже «неуд», надо сказать, за дело. В результате своих наблюдений я все прошляпил, семинарист тоном, не допускающим возражений, предложил мне отвечать ему. Я хорошо ответил на первый вопрос, он громким и радостным голосом стал меня хвалить. Видимо, я особо отличился на фоне предыдущих двоечников. Затем еще дополнительные вопросы, преподаватель прямо-таки подпрыгивает от восторга и торжественно объявляет, что ставит мне «отлично». Из какой Вы группы? – последовал последний вопрос в том же радостно-оптимистичном тоне. Я назвал номер. Он растерянно смотрит на меня. «Из моей?» «Да, из Вашей». С самым кислым и расстроенным видом он взял мою зачетку, поставил обещанный «отл» и практически швырнул ее мне. А что делать? Объективность и справедливость для приличных людей не может быть нарушена.

Студенческие общежития – это демократия без границ. Не было в нашей среде и особых ограничений по части употребления крепких выражений, разумеется, только среди парней. Иногда это было связано со стремлением как-то отличиться и выделиться, а иногда диктовалось перехлестом эмоций в разговоре.

Один из случаев на эту тему.

Наш физмат-школьный одноклассник с ФЕНа Сашка Мороз пригласил меня и Q к себе в общежитие играть в карты (преферанс) на деньги. Ставки в игре были таковы, чтобы проигрыша хватало на бутылку вина. Благодаря такому интересу игра принимала гораздо более эмоциональный характер.

В назначенное время мы явились к нему в 4-е общежитие. В комнате кроме нас на кровати дремал Сашкин незнакомый нам сокурсник. Как потом нам стало известно, этот парень не употреблял сильных выражений. По этой причине его сокурсники сдерживались в выражениях в его присутствии по мере возможностей. Конечно же нас об этом не предупредили. Само собой, что в игре случались неудачи и промахи, которые комментировались с использованием всей мощи русского языка. Наконец мы ушли, обыграв хозяина, т.е., Сашку, на требуемую сумму. У этого парня спросили, как ему понравились эти ребята, т.е., я и Кузька. Он правильно понял суть вопроса и ответил так: «Понимаете, когда вы ругаетесь, то вас слушать не интересно. А здесь говорилось с таким чувством и от души!»

Оказывается, с чувством и к месту сказанные слова могут понравиться даже их принципиальному противнику.

После V-го курса я поспособствовал, чтобы Сашку Мороза взяли в стройотряд на Чукокту, где предполагались хорошие заработки. Рос он без отца и с матерью-инвалидом, так что заработать ему было просто необходимо. Мало того, он еще успел жениться, чем усугубил свои финансовые проблемы. Я в этот раз по некоторым причинам поехать не мог.

Осенью, когда Сашка вернулся, конечно, он явился ко мне с отчетом о поездке. Мы вместе с женами устроили застолье, где он рассказывал о различных эпизодах с нашими ребятами во время пребывания в далеких северных краях и работе на тамошних стройках.

В частности, он со смехом поведал об одном из наших ребят, который, крепко выпив на день строителя (в стройотрядах это единственный за все лето выходной, когда можно слегка расслабиться), нес хвастливую чепуху по поводу своей квалификации как плотника. Для убедительности и под действием алкоголя он аргументировал свои доводы в основном крепкими выражениями. Этот эпизод я бы уже давно забыл. Но в тот вечер Софка (Сашкина молодая жена) вдруг воскликнула: «Саша! Неужели ты знаешь такие слова?» После некоторой паузы мы разразились диким смехом. Сашка – родом из алтайской деревни, я – из шахтерского городка, чего бы доброго, но эту лексику познали с дошкольного возраста. В отличие от нас, Софка выросла в интеллигентной еврейской семье. Она действительно была чиста как младенец. Ее родители и судьба уберегли ее от контакта с этой грязью до самых взрослых лет.

В огромном студенческом сообществе, отобранном со всей страны по принципу знания тех или иных наук, встречались очень разнообразные экземпляры и типы: от сорвиголов, до уже взрослых людей, которые действительно не знали «этих» слов.

Отдельная глава нашей студенческой жизни – военная подготовка. Наши преподаватели, как правило, в звании полковников, были колоритными и интересными людьми. Только имя и фамилия заведующей библиотекой по военной подготовке – Любовь Половая – уже многого стоит по части забавного сочетания и двусмысленности.

Всякие реальные и придуманные истории и фразы.

Например, команда: От меня до следующего столба шагом марш!

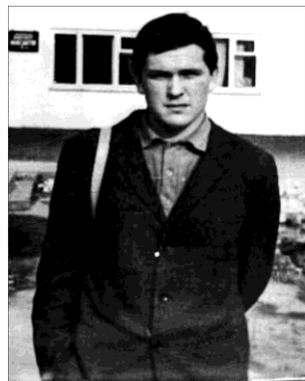
Или позывные по рации: Береза, береза! Я, дуб!

Анекдот. На лекции полковник рассказывает: Снаряд из пушки летит по траектории называемой баллистической (рисует кривую). Вопрос студента: Так если пушку на бок положить, тогда она и за угол стрелять будет? Ответ лектора: По уставу пушку на бок не положено класть. Значит, не будет.

Из лекции об устройстве атомной бомбы: Атом состоит из ядра, вокруг вращаются электроны. Вопрос: А что находится между ядром и электронами? Ответ: Как что? Воздух, конечно!

Из наставлений по стрелковому оружию: Оружие надо чистить средством КОН. Вопрос: А что такое КОН? Ответ: Это секрет! Дотошные студенты все-таки докопались до этого секрета. Оказывается, КОН это гидроксид калия, т.е., буквы КОН не русские, а латинские.

Полковник Гришутин распекает студентов за пропуск занятия по военной подготовке. Причина пропуска известна – на праздничные выходные студенты уехали по домам и там немного задержались. Все пишут рапорт, в котором изгаляются в придумывании причин пропуска занятия: заболел, больная бабушка и пр. По очереди заходят в кабинет Гришутина где он громким, но равнодушным голосом распекает каждого за прогул. Костя Глушенко пишет: «Прошу наложить на меня взыскание, поскольку я пропустил занятие по неуважительной причине». Гришутин читает этот рапорт и тихим голосом, почти отечески: «Идите, пожалуйста».

Занятия по английскому языку, наверное, по числу забавных эпизодов близки к военке. Достаточно только вспомнить story about Roza Shafigulina!

Наверное, это было правильно с точки зрения изучения языка – учить наизусть тексты на английском языке. Однако эта методика граничила с возможностью прививки студентам стойкой аллергии к этому предмету. Мне кажется, что преподаватели тонко чув-

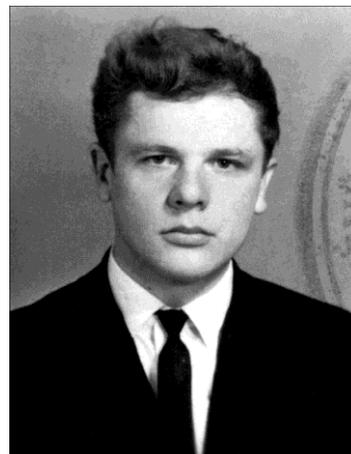
ствовали эту грань, случаев аллергии вроде бы не наблюдалось.

Однако же...

Пит Добровольский учит текст наизусть: *With the help of tape-recorder we shall improve our pronunciation and intonation...* Ритм текста вроде бы подходит под популярную танцевальную импортную мелодию тех времен. Для облегчения процесса заучивания он начинает напевать этот текст, пританцовывая, изгибаясь и кривляясь в этом ритме. Так и выучил. На уроке он медленно излагает заученный текст, надо же вначале мысленно пропеть его, а потом изложить «в прозе» вслух. В конце концов, Пит не выдерживает, начинает напевать текст. Да еще и пританцовывая. Результат: англичанка предложила ему выучить «нормально».

Англичанка Ляпина (имя, отчество не помню) с удовольствием поправляет нас в произношении слова *impotent* (важный). Надо произносить "импóтэнт", а не "импотéнт" вещает она. «Вы же знаете, что означает это слово?» - продолжает язвить и издеваться она. «Нет, пока не знаем» – с той же язвой отвечаем мы.

Эти истории из нашей студенческой жизни может быть, даже и не самые забавные. Просто они вспомнились мне сегодня. Наверное, кто-нибудь помнит и другие, еще более забавные. А если организовать опрос однокашников, то не сомневаюсь. Можно будет написать целую книгу.

Студент физфака НГУ 1964-1969г. Тимошенко Николай